

Сун Дуншэн, несмотря на свои выходки на стороне, всё же был привязан к семье. Он не собирался разводиться с Лян Хуайюй, его работа и социальный статус не позволяли ему этого. Но он не мог сказать это прямо, поэтому холодно ответил:

— Почему она сама не может мне сказать? Зачем тебя посылать?

Лян Цзинь улыбался, и в его голосе звучала насмешка:

— Почему бы и нет? Разве дядя не понимает лучше всех?

Сун Дуншэн напрягся. Ему показалось, что этот молодой парень, казалось, всё понимает, что заставляло его чувствовать себя неловко и уязвимым. Он широко раскрыл глаза и сердито сказал:

— Сейчас рабочее время. Если есть дела, поговорим после работы. Выйди.

Лян Цзинь не боялся его. Его дело было сделано, и он мог уходить. Подойдя к двери, он вспомнил что-то и, обернувшись, сказал:

— Дядя, лучше вернись пораньше. Бабушка хочет с тобой поговорить.

Сун Дуншэн, чувствуя свою вину, знал, что его тёща обычно была с ним вежлива, но если она разозлится, то её деревенская грубость могла доставить ему немало проблем. Он вернётся, но не сейчас. Он не мог позволить семье Лян диктовать ему условия. Однако он не ожидал, что его промедление приведёт к ещё большим проблемам.

В уезд приехал новый глава, у которого были свои планы по развитию города. Сун Дуншэн не ожидал, что его район станет первым местом для инспекции. Он был взволнован и нервничал, хотел произвести хорошее впечатление на нового руководителя, но боялся, что ошибки в работе подорвут его позиции. Ведь его положение было шатким, и многие жадно следили за ним.

Лян Цзинь помнил, что в прошлой жизни именно в это время в уезде проводилась реорганизация руководящего состава. Его дядя долго молился, чтобы сохранить свою должность, но он недооценил решимость нового руководителя изменить ситуацию в Цинъюане. Люди, которые просто отсиживались, не могли быть терпимы.

Выйдя из офиса, Лян Цзинь взглянул на высокую башню и направился к выходу. Он помнил, как они с Чэн Хао однажды поднимались на неё, скрипящие деревянные ступени, шаг за шагом. Он заметил, что Чэн Хао боится высоты, его лицо было бледным, и он едва сдерживал страх. На вершине башни он стоял сзади, не решаясь подойти к краю. Величественный вид с высоты, но Чэн Хао даже не осмеливался взглянуть. Спускаясь, он держался за руку Лян Цзиня, дрожа всем телом.

Лян Цзинь тихо смеялся в душе, крепко держа его руку, и они вместе спустились с вершины. Теперь, хотя он и скучал по той близости, он не хотел видеть его снова таким бледным.

Лян Хуайюй не дождалась ни Лян Цзиня, ни Сун Дуншэна. Только мать продолжала ворчать у неё на ухо. Она слабо махнула рукой и улыбнулась:

— Мама, может, ты пойдёшь домой? Я хочу поспать.

Бабушка Лян не могла поверить, что её любимый зять способен на такое, и с гневом сказала:

— Спать? Я не могу смириться с этим. Ты тоже, обычно такая сильная, а сейчас сдалась? Ты правда собираешься уступить? Нет, он не заслуживает шанса. Завтра я пойду с твоим братом и найдём эту бесстыдницу. Не верю, что не смогу её проучить.

Лян Хуайюй сжала губы, но ничего не сказала. Ей действительно нужна была помощь, чтобы выплеснуть гнев. Разочарование в семейных отношениях, бессилие перед родственниками и ненависть к той, кто вторглась в её жизнь и разрушила её. Её положение в семье не позволяло никому бросать ей вызов.

Лян Цзинь, вернувшись домой, больше не вмешивался в дела тётки. До зимних каникул оставалось несколько дней, учителя были заняты подготовкой к экзаменам, но он не мог сосредоточиться. В итоге он сказал учителю, что дома есть дела, и ушёл.

Мать Лян Цзиня помогала Чэн Хао в городе зарабатывать деньги, что вызывало зависть у деревенских женщин. В школе учителей было мало, и в учительской все быстро узнавали новости. Классный руководитель Лян Цзиня уговаривал его остаться, даже если он не сможет усвоить материал, просто сидеть в классе до конца. Но Лян Цзинь отказался. Он хотел помочь Чэн Хао и больше смотреть на него, когда он работал. Его сосредоточенность была притягательной.

Чэн Хао раздражённо спросил:

— Разве у тебя не скоро экзамены? Зачем ты дома, а не в школе?

Лян Цзинь, не обращая внимания, присел и начал помогать чистить капусту. С этого места он мог хорошо видеть, как Чэн Хао работает. Чэн Хао, продолжая ворчать, ловко управлялся с делами. Он был чистоплотным, и в доме не оставалось ни одного угла без внимания.

Клиенты приходили один за другим. Чэн Хао немного изменил меню: вместо сытных порций лапши на завтрак, он стал готовить ютяю, паровой тофу, а мать Лян Цзиня делала лепёшки и варила яичный суп. Всё это дополнялось домашними соленьями, и бизнес стал ещё лучше.

Постоянные клиенты, зная, что Чэн Хао, хоть и немногословен, но приятный в общении, говорили:

— Знаешь, раньше я вставал рано, чтобы успеть поесть у тебя лапши, иначе опаздывал на работу. Пробовал у соседей, но такого вкуса нигде нет. Теперь с новыми блюдами стало удобнее, и не нужно переждать до обеда.

Чэн Хао улыбнулся и обещал, что если успеет, то начнёт продавать паровые булочки, чтобы людям было удобнее.

Лян Цзинь положил руку на плечо Чэн Хао и сказал:

— Ты только начал, а уже занят. Когда у нас будет время, давай съездим куда-нибудь. Чэн Хао, пойдём в парк. На этот раз не будем лезть через стену, войдём как положено.

Чэн Хао отказался:

— Три юаня за бумажку? Не хочу. Лучше останусь слепым, чем буду смотреть на эти запертые пейзажи. В них нет жизни.

Лян Цзинь загадочно улыбнулся:

— Пойдём со мной, и я гарантирую, что ты войдёшь без единого юаня. Если получится, что ты скажешь?

Чэн Хао нахмурил брови и глубоко взглянул на него. Наконец, он вздохнул, словно принял трудное решение, и сквозь зубы произнёс:

— Ты говорил, что хочешь узнать о моём прошлом? Если ты сможешь это сделать, я расскажу тебе всё. Если нет — больше никогда не поднимай эту тему. Договорились?

Лян Цзинь просто шутил, хотел провести с ним больше времени, но не ожидал, что Чэн Хао предложит такое. Он растерялся и, глядя на него, сказал:

— Мне интересно, но я не настаиваю. Так что возьми свои слова обратно. Если у меня получится, мы вместе поднимемся на гору Цан.

Чэн Хао знал, что Лян Цзинь бережёт его чувства. Он часто говорил, что навязывать свои желания другим — это неправильно. Но на этот раз Чэн Хао сам хотел рассказать. Его прошлое, стёртое временем, было его болью. Он жил здесь один так долго, что вдруг почувствовал, что ему нужен кто-то, кому он мог бы довериться. Некоторые вещи, давно скрытые в сердце, начинали мучить его.

Чэн Хао сжал губы:

— Это редкий шанс. Если не послушаешь, больше не услышишь.

Лян Цзинь равнодушно ответил:

— Мне всё равно, каким было твоё прошлое. Меня интересует только наше будущее. Так что можешь не говорить.

Лян Цзинь помнил, что в день, когда все школы уезда закрылись на каникулы, произошло событие, обрадовавшее жителей деревни — единственный парк в уезде снял ограждение и стал бесплатным для всех.

Это была самая важная новость года, и телевидение и газеты уезда подробно освещали её. Лян Цзинь до сих пор помнит, как в одном из интервью новый глава сказал:

— Парк существует, чтобы люди могли расслабиться и отдохнуть от усталости жизни. В будущем в Циньюане будет не один такой парк, а больше, и каждый будет уникальным, по-настоящему служа людям.

Завтра я исправлю. Племянник в больнице, я помогаю, спал только два часа, больше не могу, чуть не заснул несколько раз.

<http://bllate.org/book/16631/1523380>